
Евгения Некрасова

Дочь рыбака

Рассказ

1

Байкал незамерзший качался, как бокал с пресной водой, притворяясь морем, посылал прозрачную свою воду волнами в разные земляные окаёмки, обтесывал камни, чесался мхом по скалам, вырабатывал плотный влажный воздух. Зимой берега и склоны прилегающих гор образовывали белые долины, а озеро было заперто вместе со всем своим содержимым под холодное стекло, как закрывают в музеях ценные дорогие подлинники, чтобы им не навредили посетители. Вокруг Байкала люди начертили металлом железную дорогу и построили населенные пункты. Кроме перечисленных учеными существ в байкальских водах лохнесским чудовищем сидела Великая Нерпа. Обычному тюленю нужно подносить морду к поверхности каждые пятьдесят-семьдесят минут, чтобы запастись кислородом, Великой Нерпе — раз в несколько лет. Когда Великая Нерпа всплывала наверх и высовывала свою огромную морду-остров подышать, Байкал трясло. Поэтому там почти никогда не строили высоток.

Лена родилась и выросла в единственной серой балкониистой каракатице-многоэтажке туристического прибрежного города. Отец Лены был рыбаком, ходил сначала на лодке, а со временем купил старый катер. Прежде отец и мать учились в большом городе, мать на архитектора, отец — на химика. Потом произошел тектонический сдвиг, страна покрылась трещинами, профессии перестали иметь значение. Из города родители переехали на Байкал. Отец всегда любил ловить рыбу и был доволен, хотя его увлечение и стало работой. Мать теперь обрабатывала улов и продавала на рынке туристам, занималась Леной и ее младшей сестрой, заперла себя и свои увлечения где-то внутри и, даже когда профессии снова заработали, не расперла себя обратно. С отцом им относительно повезло: он был занудой, но не пил, не поднимал руки и голоса, не вылавливал в жене и дочерях недостатков. Но мать чаще всего молчала, говорила только по бытовым и школьным делам, улыбаясь по праздникам и дням рождения. Рыбак помнил ее другой, но не рассказывал дочерям, чтобы не удивлять и не расстраивать.

Евгения Некрасова родилась в 1985 году в Астраханской области. Окончила Московскую школу нового кино. Печаталась журналах «Знамя», «Новый мир», «Урал» и др. Автор романа «Калечина-Малечина» (2018), сборника малой прозы «Сестромам. О тех, кто будет маяться» (2019). Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 11.

Лена училась средне-серо, скучала, глядя на воду. Байкалом их замучили в школе с детства, макали в любовь к нему, про красоту его заставляли писать сочинения и петь о нем песни под аккордеон, ходить убирать мусор за туристами и местными с его берегов. Когда Лене было шестнадцать, а ее сестре Гале двенадцать, у отца совсем перестала ловиться рыба. Он и раньше не чемпионствовал, но сейчас, когда все остальные рыбаки кормились с Байкала, он приносил пустые сети. Надо было питаться, покупать одежду, платить за квартиру — мать заговорила о продаже катера. Отец замолчал на несколько дней, ушел в спячку отчаяния и в море, и однажды принес домой кумуткана. Тот был уже не белый пушистый бон-бон, а серебристо-серый тугой мохнатый мешок с плотными бочками, тонкими травинками-усами, с лопастями-руками, будто созданными не для плавания, а исключительно для обнимания, и даже когти по окаемкам не мешали. Кумуткан поукивал, потрескивал, махал хвостом и лапами, тянулся к каждому, кого видел, принимая всех подряд за мать.

Детенышем заняли ванну. Жена рыбака молча убрала таз с бельем на кухню. Отец не ловил тюленей, нерповкой разрешалось заниматься только эвенкам, но он решил воспроизвести принятый в их деревнях обычай возвращения детеныша нерпы. Того ловили, привозили на два-три дня, давали поиграть детям, порадоваться и потом отпускали обратно в озеро, таким милосердием показывая признательность и благодарность Хозяину Байкала. В случае отца это смахивало на жульничество, так как он не был эвенком, да и дочери уже подростки, но отчаяние заставляло его верить в надежность чужих ритуалов. Девочки же, как и надо, радовались, играли с уукающим кумутканом, кормили его мелкой рыбой. Мать не могла дозваться их помогать или самим поесть. Детеныш не только уукал, но издавал отрывочные, инопланетные высокие звуки, напоминающие поиск радиостанции в далекой от цивилизации местности.

Играла в основном Галя, тискала, кидала ему мячики и рыбу, фотографировала на телефон, водила подружек с ним селфиться, даже влезала к нему в ванну, ходила за ним по пятам, когда тот ползал по квартире; и Лена тоже тискала и кидала мяч, приводила посмотреть на него подругу, но не радовалась, а удивлялась. Каждый раз, поднимая кумуткана на руки, она замечала его равенство своей сестре, которую четырехлетняя разница в возрасте позволяла Лене брать на руки, когда Галя тоже была еще детенышем — таким же плотным, круглым,двигающим конечностями, начиненным силой будущего.

Лена видела тюленей прежде в нерпинарии, совсем давно, еще в открытом озере с катера отца, когда тот брал ее с собой на рыбалку, а теперь иногда — с набережной, когда одна из нерп поднимала над водой свою лысую голову и смотрела с любопытством на человеческий город, проверяя, не изменилось ли чего в нем. Но сейчас, держа на руках кумуткана, Лена будто бы впервые почувствовала, что такое жизнь на самом деле. Сестра, будучи младенцем, не обеспечивала такого ощущения, так как сама была очень похожа на Лену и по родству, и просто по единству вида, а вот нерпеныш был такой же живой и сознательный, но все же отличался и внешне, и по языку, и находился на нужной для удивления дистанции. Отец хотел отправиться возвращать кумуткана обратно на третий день, но Лена попросила оставить его еще на сутки. Она так редко что-то просила, осознавая ограниченность родительских ресурсов, что отец немедленно согласился. На следующее утро к ним зашел мамин однокурсник, который давно не появлялся, он учился когда-то с мамой на архитектурном, теперь его магазин дешевых сувениров дробил пейзаж на набережной — там продавалось много неживых пластиковых тюленей. Лена как-то работала там продавщицей на каникулах.

Владелец сувенирного магазина зашел помыть руки в ванную перед предложенным чаем и увидел кумуткана. Он сразу дернулся и предложил за детеныша настоящие деньги. Рыбак отгекнул, объяснил про эвенков, про ритуал и отсутствие фарта. Но бывший однокурсник не отлипал, у него были счета с этой семьей, он сам хотел когда-то жениться на жене рыбака, родить с ней детей и даже после того, как она выбрала другого, он ради нее разбогател (по местным меркам), а она почему-то все

равно оставалась застывшей лавой вокруг жизни своего скучного бедного мужа. Поэтому владелец сувенирного магазина не мог оставить их в покое, время от времени приходил, искушая всем, чем мог, делая вид, что хочет помочь. Он предложил за кумуткана цену в два раза больше рыночной. Этот нерпеньш был особенно упитанным, с плавающими переливами на шкуре. Жена посмотрела на мужа-рыбака и сказала, что он все-таки не эвенк, и это не ритуал их семьи, а главные ее ритуалы — кормить детей, покупать им одежду и платить за квартиру. Дочери были в школе, отец сходил покурить в подъезд, потом вернулся и передал кумуткана владельцу сувенирного магазина в руки. Вода капала на потрескавшийся кафель. Хозяин сувенирного магазина завернул детеныша в большой черный пакет, чтобы тот не намочил обивку машины. После того, как однокурсник жены уехал, отец, злой, ушел в море. Девочки вернулись из школы и очень расстроились, что им не удалось попрощаться с кумутканом.

Хозяин Байкала не удивился и не разозлился, когда русский рыбак, пообещавший вернуть кумуткана, пришел в море без него. Такое уже случалось, и у эвенков тоже, но чаще всего потому, что детеныш погибал у людей от болезни или несчастного случая. Хозяин Байкала даже почувствовал серьезный шторм внутри русского рыбака и решил, что будет понемногу позволять ему ловить рыбу, так как люди со штормами внутри потом нарушали жизнь снаружи и доставалось самому Ламу, — например, такой штормящий бросал мусор прямо в воду. Рыба у отца снова стала ловиться, не много, но регулярно. Отец-рыбак не радовался своим маленьким удачам и стал молчалив прямо как жена. Лена догадывалась о плохой кумуткановой судьбе, но ничего не рассказывала сестре.

В секунду, когда был убит кумуткан, обещанный к возвращению в озеро, Великая Нерпа очнулась от полудремы и открыла глаза. Байкал чуть качнуло, это заметили только сейсмологи на своих приборах. Великая Нерпа разозлилась и вызвала Хозяина Байкала на беседу. Тот был главнее Великой Нерпы, но она — взбешенной, отчаянней, и ее приходилось слушать. Великой Нерпе давно уже надоели люди, они браконьерничали сетями, стреляли тюленям в головы, отнимали кумутканов у кормящих матерей и сами жаловались, что нерпы рвали их сети и воровали из них рыбу. Через Ангару, с одним из обратных течений, к ней пришла весть о том, что люди обсуждают возобновление нерпяного промысла, потому что тюленей стало слишком много. У Великой Нерпы раздувались ноздри от гнева, и от этого по Байкалу ходили волны. Хозяин Байкала подумал, поперекатывал по мели камни и согласился, но объявил Великой Нерпе, что ему нужно время, чтобы подгадать подходящий случай.

Прошло несколько месяцев. Семья Лены жила, вроде как всегда, даже немного лучше. Наступила зима, рыбак передвигался по озеру на снегоходе, и вся семья носила слои одежды, даже Галя, переживавшая, что термобелье ее утолщает. Рыба попадала в сеть с удивительной регулярностью, так отцу не везло никогда прежде. Хозяин Байкала не хотел, чтобы семья уехала кормиться в другое место, поэтому постоянно подкладывал улов в отцовскую сеть, но, с другой стороны, не мог допустить, чтобы семья разбогатела и уехала куда-нибудь на юг, поэтому клал рыбы немного. Из-за появления обычных нормальных денег родители выдохнули, рыбак-отец пришел в себя — стал строить планы на покупку нового катера, даже мать немного оттаяла и заново принялась читать книги. Лена вдруг сказала сестре, что еще чуть-чуть и мать наконец заговорит с ними и скажет то, что хочет давно, — то есть пошлет их далеко и навсегда. Галя сделала вид, что не понимает, о чем говорит сестра, и ушла гулять с друзьями, хотя она очень хорошо понимала.

2

Великая Нерпа была недовольна, что ей все не доставляли рыбацких детей. Принялось ускользать ее терпение. Девочки все ходили мимо озера, но не катались по нему на лыжах или коньках, не ездили с отцом на рыбалку, а передвигались только по суше. Хозяин Байкала удивлялся, что дочери рыбака жили так, будто озера не существует, а есть только школа, квартира, рынок, магазины и рыба из озера. Он попросил Великую Нерпу ждать весны.

Весна наступила в виде высокого, плоского, белого, будто из снега, солнца, которое надавило на стеклянную корку, та треснула, и льдины фарфоровыми осколками засыпали озеро. Лена шагала сегодня, как всегда одна, из школы по асфальтовой полоске набережной, уже светло-серой без снега, как летом. Все обычно возвращались компаниями. Единственная Ленина подруга Сашка жила в другой стороне, в соседнем селе, а ни с кем другим Лена разговаривать по дороге не захотела бы. Галя — разговорщица, любительница людей, уже собирательница поклонников, королева сторис и всяких историй в своем классе, всегда шла отдельно от сестры, даже если их уроки закончились одновременно, всегда окруженная друзьями. Мать просила контролировать младшую сестру, и Лена знала, что сегодня Галя закончила учиться в то же время и ушла гулять на берег. Было тепло, даже жарко до бесшапного уже существования, но Лене не нравилось. Она заболела, горло брыкалось, затылок мяло, и из глаз сочились температурные слезы. Лена должна была зайти домой, быстро поесть и нести рыбу матери на рынок.

Торчащее над озером солнце кусало кожу лица, и что-то еще другое царапало щеку справа. Лену вот уже пару месяцев как «любил» одноклассник, за ней уроками и переменами волочились его глаза, поэтому она узнавала в этом царапанье ощущение чужого взгляда. Лена вынула речитатив из ушей, остановилась и посмотрела на Байкал. Потом резко поглядела налево-вперед вдоль набережной — там, далеко, уже на уровне пляжа, передвигалась россыпь подростков, направо-назад — метрах в ста от нее плелись два второклассника. Она снова направила взгляд на озеро. Там, среди наплывающих льдин, нависая над поверхностью, торчали двадцать пять, а может быть тридцать гладких, круглых голов. Все они, повернутые в сторону Лены, глядели именно на нее своим глазами-пуговицами. Три нерпы и вовсе полувывлезли из воды и возвышались на льдинах, не отрывая от берега внимания. Лена чихнула. Нерпы подвигались и поморгали. Лена шмыгнула носом, болезнь растекалась, захватывала новые территории ее тела. Вдруг дочь рыбака поправила шапку и побежала по берегу в сторону пляжа. Наушники хвостом волоклись за ней по асфальту. Нерпы синхронистками все до одной завалились кто на правый, кто на левый бок и скрылись в Байкале. Остался темно-серый ледяной коктейль с солнечными лучами. Мимо проковыляли второклассники, не разговаривая друг с другом.

Подбегая к пляжу, Лена увидела Галю, стоящую у пирса на широкой льдине с подругами. Вокруг них метров на десять в разные стороны вода начинала гулять острыми и резкими волнами, льдины на этом участке покачивались, будто кто-то тряс бокал со льдом, но остальной Байкал был совершенно спокоен и ровен. Даже находящиеся тут же катера и лодки лежали спокойно. Вдалеке за берегом наблюдали из озера несколько гладких голов. На пирсе хохотали девочки и дребезжали ломающимися голосами мальчишки. Некоторые снимали находящихся на льдине на телефоны. Галя и ее подруги позировали. Никто, кроме Лены, не замечал, что волны сгустились вокруг подростков. Она спустилась на пляж, пробежала по обернутой в снег гальке, прошла по пирсу, который почти равнялся воде, осторожно обошла стоящих, резко выдернула за руку упирающуюся сестру на деревянный настил и уволокла на берег. Одноклассники наблюдали за происходящим внимательно и уукали, как нерпы, некоторые снимали на телефон это сестринское воспитание. Кто-то крикнул Лене, что у пирса мелко и вообще только сегодня туристы с шампанским на льдине по самому озеру катались.

Пока Лена тащила сестру за локоть домой, Галя материлась, шипела, что старшая испортила ей репутацию навсегда, и что ей надо теперь менять школу и город, и что это видео выволакивания со льдины навсегда останется в соцсетях. Лена, сморкаясь и кашляя, удивлялась, что Галя, оказывается, умеет так шипеть. Они встретили молодого соседа, и Лена снова удивилась, что младшая сестра поздоровалась с ним совершенно спокойно и мило, а потом снова принялась шипеть. Когда они пришли домой, Галя расплакалась от обиды, и Лена велела ей сидеть на месте, выпила парацетамол, достала что-то из холодильника, пересобрала рюкзак, закрыла дверь и убежала.

Горло вертелось, толкало нос изнутри, в ушах трещали раковины, в голове стучало, по телу рассыпался озноб. Выбежав на главную улицу-набережную, Лена огляделась, вытирая варежкой температурные слезы. С прикрепленного на фонарный столб мелкого щита на нее смотрели рыба и нерпа. Лена прошептала сухими губами: «Сейчас, сейчас». С фонарного щита напротив на нее глядел телефонный номер такси. Дочь рыбака вызвала машину. Лену осторожно обступали друзья сестры, возвращавшиеся с пляжа.

3

Саша с короткими черными волнами на голове, в куртке и джинсах кормила в курятнике кур у своего деревянного дома зеленого цвета. Озеро виднелось отрезами среди деревьев и других домов. У нее никогда не было отца, ее мать работала администратором в местном пансионате, куда ходила пешком двадцать минут через лес, а Саша ездила на маршрутке в школу. Ты ко мне? — она обрадовалась, увидев Лену. — Нет, я к Волгину, ты знаешь, где он живет? Саша обиделась и заревновала, но сказала, где искать одноклассника, и спросила подругу, зачем он ей. Лена, гоняя соплю в носу, ответила просто, что он очень сильно стал ей необходим, и собралась бежать. Саша мрачно посмотрела на Лену и спросила, что случилось. Лена же посмотрелась в мутное зеркало, висящее над раковиной во дворе. В нем плескалось бледное потное лицо с заплывшими от слез глазами, красным носом, пересохшими корками губ. Все это водорослями облепляли длинные светлые волосы, выбившиеся из-под шапки. Лена попросила расческу и какую-нибудь помаду. Саша сходила в дом и принесла гребень и бесцветную гигиеническую помаду. Лена высморкалась, расчесалась, сделала новый хвост, натянула шапку и помазала губы. Подруга отказалась принимать помаду назад, сказав, что теперь та уже не гигиеническая. Лена осознала, что Саша обиделась серьезно, так как раньше они делили все, даже зубную щетку в школьном походе, когда Лена потеряла свою, но сейчас это было не важно. Рюкзак завибрировал, на мобильный звонила мать, Лена сбросила ее и выключила телефон.

Странно жить с фамилией Волгин на Байкале, но Волгин справлялся. Он не был популярным человеком в классе, но и угнетаемым или одиночкой тоже не ходил. Волгин казался Лене слишком скучным и предсказуемым, как и все мальчики. Она догадывалась, что он неплохо выглядел для остальных девочек из-за своих широкоплечести и роста. Лена находила в нем особенным и интересным только увлеченность ею самой. Ею обычно не интересовались, так как она не делала себя никаким образом привлекательной, а главное, плевать хотела на всю эту уже несколько лет дрящую возню с социализацией и всем первым: первым алкоголем, первым сексом, первым сезоном какого-нибудь сериала. Волгин пытался отбегать Лену разговорами, звал ее кататься на лодке, пробовал дарить ей подарки и все время напарывался на непонимание и удивление. Друзья из класса смеялись над его увлечением, но сочувствовали. Кроме любви к Лене и фамилии из нездешней реки, в Волгине не находилось, кажется, ничего оригинального и важного. Он учился средне-плохо, происходил, как и очень многие, из бедной семьи, но всегда жонглировал гаджетами. Его отец, браконьер и алкоголик, исчезал на месяцы, оставлял им лодку,

а потом возвращался, всегда без денег. Мать работала горничной в том же пансионате, что и Сашина мать, и говорили, была затянута в какую-то секту, которая верит в чудеса, но Лена понимала, что это выдумки. Волгин жил на первой линии, прямо на берегу, это была главная улица села, где гуляли и собирались по праздникам, летом здесь желтел пляж, зимой просто лежал песок под ледяной коркой и снегом, словно впику городу, где снег и лед посыпали песком. Деревянный, как и все в селе, дом Волгина изумил Лену своей невероятной утонченной красотой: он был доброго нежно-голубого цвета, увенчанный белыми легкими изразцами по карнизам и наличникам, будто обшит кружевом. Многие дома в селе были украшены подобным образом, но именно на этом изразцы летели, и казалось, что сам дом парит над землей.

Волгин раскрыл рот и застыл, увидев Лену. Он очищал дорожку от мокрого снега, жвачкой липнувшего к лопате. Лена подумала, как все-таки странно, что и он, и Саша живут, вроде, в одной с Леной местности и очень похожей жизнью, их руки с раннего детства пахнут омулем и на экранах мобильных часто остаются рыбные чешуйки, потому что пока ты чистишь, обязательно залезешь проверить телефон, поставить кому-нибудь лайк, но при этом дни они все равно проводили по-разному — и Волгин, и Саша — часто на открытом воздухе, а Лена — в четырех стенах, она все равно из города. Лена сделала комплимент волгинскому дому, одноклассник покраснел и испуганно поблагодарил, сказал, что это сделал отец, но очень давно. Судя по лицу Волгина, на котором недели три назад стали проступать синяки — свидетельство грубой, некружевной работы — его отец вернулся. И было самое время — настал сезон охоты на нерп.

4

Моторка гудела перезимовавшей пчелой и с гулким стуком встречала сияющие льдины. Земля со скалами, домами и деревьями походила вдалеке на игрушечную версию всей волгинской и Лениной жизни. Хотя они уже давно отплыли от берега и два раза сменили курс, Лена не переставала разбрызгивать водку на воду. Она начала, как только села в лодку. Волгин почему-то не удивился этому, он понял, что сегодня особенный, ни на что не похожий день, когда он впервые в жизни угнал лодку у спящего под водкой отца, а странная-престранная девушка, о которой Волгин мечтал уже пятый месяц, сама пришла вдруг к нему и попросила показать ей отцовские ловушки на нерп, и теперь, согласно какой-то старой традиции, молча угощала водкой озеро. Волгин только пошутил, что Байкалу, может, уже хватит, Лена улыбнулась и не перестала. От сосредоточенности и солнца она даже перестала чихать и кашлять. Волгин еще на берегу заметил, что она болеет, и спросил ее об этом, но Лена махнула три раза рукой, будто крылом или ластой. Ее глаза температурили светом, длинные светлые волосы лезли из-под желтой шапки, солнце набилось в складки куртки, в швы ее джинсов, в ее уши и повисло на кончиках мокрых от водки пальцев. Волгин никогда не видел в жизни ничего прекраснее. Они оба молчали, Волгин — для того чтобы не сломать этот день, ощущение от него, а Лена — из-за болезни. В горле у нее словно засели острые байкальские льдины, ей было больно говорить и даже дышать. Она отпила чуть прямо из горла, и льдинки чуть подтаяли, притупились, Лена протянула бутылку Волгину, тот покачал головой. Как и некоторые дети отчаянных алкоголиков, он никогда не пил, даже пиво, и не собирался начинать в будущем.

Хозяин Байкала оказался в непонятной ситуации. С одной стороны, дочь рыбака уже больше получаса плыла у него на ладони. Но с другой — она щедро выполняла старый эвенкийский обряд, тем самым высказывала уважение и одновременно просила о добыче. Она не была эвенком или ламуаном, но она плыла с сыном охотника на тюленей. Хозяин не мог прервать ее путешествие и отправить к Великой Нерпе, пока дочь рыбака не найдет добычу, и добычей этой были сами нерпы. Крутился странный, замкнутый круг, железный, как окружная дорога. Великая Нерпа

следила в это время года за молодыми самками, давшими новое потомство и, уставшая, теперь дремала у себя в логове. Хозяин понимал, что дочь рыбака никуда не денется от озера, поэтому решил наблюдать за ней дальше, к тому же ему она казалась интересным существом из племени людей, давно таких не попадалось. А эта — такая, как герои песен в прежние времена, только те всегда были мужчинами.

Лена и Волгин доплыли до бухты между двумя темными, растерявшими снег мысами. Здесь не растаяла целая поляна льда, куда еще могли ступать ноги. Десятиклассники вышли из моторки на льдину, Волгин попробовал-походил, потом закрепил лодку, и они отправились проверять сети в отдушинах. Из пяти оказались с добычей две, недалекие друг от друга. В одной попались самка с детенышем, а в другой — только самка. Первая сеть еще дергалась туда-сюда, а вторая нет. Ее Волгин, закатав рукава куртки и свитера, специально вытащил показать Лене. Молодая нерпа, слабо дергая лапами и медленно моргая, принялась отчаянно хватать ноздрями, ртом и казалось ушными дырами воздух. Волгин хотел опустить сеть обратно, но Лена остановила его и предложила сложить всю добычу в лодку и отвезти домой. Но тот сказал, что так нельзя делать по многим причинам — хотя бы потому, что отец убьет его, если узнает, что он проверял ловушки без него, да еще с кем-то чужим. К тому же, если они достанут нерп живыми, то их придется добивать выстрелом в голову, а это неприятное занятие, так что лучше ждать, когда они задохнутся. Волгин опустил сеть обратно в воду. «Их жалко очень, — подумав, сказал он, — но моя семья уже в третьем поколении живет ими». Дочь рыбака огляделась и сказала, что хочет на берег. Ей казалось, она начинает задыхаться, как эта нерпа. Льдина прерывалась в ста пятидесяти метрах от суши, и до берега нужно было доплыть. Волгин подумал, что они могут посидеть вместе на его куртке на берегу, спокойно поговорить, и он может собирать там Лене каких-нибудь цветов и, наверное, это будет правильно и романтично.

Когда лодка ткнулась в землю, Волгин спрыгнул в сапогах в воду и потянул лодку на берег. Лена быстро переместилась назад и завела мотор. Ничего не понимающий Волгин закричал, подумав, что она ошиблась, желая ему помочь пришвартоваться. Лодка уже слишком плотно сидела на мели и оттого тряслась на месте, тогда Лена вытащила весло и изо всех сил оттолкнулась им от берега, развернула лодку кормой вперед, случайно выпустила весло из рук, и оно осталось воткнутым в землю. Трос потащился вслед за лодкой, Волгин кричал, что тот может попасть в винт двигателя, но Лена не слышала. Она знала, что была плохой дочерью рыбака — так и не научилась управлять моторкой. Затормозила у льдины, врезавшись в нее. Выбравшись на поверхность, Лена побежала по чавкающей белой поляне. Та шаталась и звенела в ее температурной голове. Солнце куда-то убралось с неба. Сделалось пасмурно. Лена добежала до отдушины, вытащила сеть, но та была пустая. Дочь рыбака огляделась — вокруг плыло и белело, и на этом белом темнел десяток отверстий. Все части льдины выглядели одинаково. Лена побежала к еще одному темному пятну, это оказалась просто глубокая впадина. С берега что-то кричал Волгин, но его слова разрушал бьющийся в Ленины виски молоток. Она двинулась к следующей проруби, потом еще к одной, наконец увидела мятущуюся сеть, встала на коленки и потащила ее на поверхность. Самка и детеныш дергали лапами и ууукали. Лена достала нож из рюкзака и принялась резать сеть, стараясь не задеть тюленей. Тут Великая Нерпа проснулась от дремы и увидела через глаза лежащего в сетке кумуткана и Лену с ножом. Ее желтые волосы трепал поднимающийся ветер, шапка упала с головы где-то раньше. Из порезанных то ли ножом, то ли сетью пальцев текла кровь. Великая Нерпа потребовала Хозяина Байкала немедленно выполнить обещание и доставить ей дочь рыбака. Тот нехотя согласился, он понимал, что та еще не закончила путешествие. Когда самка и детеныш выползли из сети, Лена застыла и вспомнила, что молодая самка находилась слева и назад от первой отдушины. Нерпа и ее кумуткан, надыхавшись, скачками добрались до отверстия во льду и нырнули, спасаясь от людей. Лена

спокойно и медленно отправилась по восстановленному в памяти пути. Сеть была тут, самка тоже. Она уже не дышала, когда Лена вытянула ее на лед. Лена положила нерпу на спину и нажала ей примерно на грудную клетку окровавленными пальцами. Лед под Леной провалился. Сильная боль воткнулась в грудь и живот, а потом захватила все тело. Вокруг нее бурлила, гуляла вода, как сегодня днем подо льдиной с Галей и ее подругами. Тело молодой нерпы плавно пошло ко дну. Лена болталась в ее сети, все еще пристегнутой на поверхности к льдине. Вода залилась в рот, и горло перестало болеть. Лена закрыла глаза, и ее резко дернуло вниз.

5

Она открыла глаза. Со стены на нее смотрели Эйнштейн, Ньютон, Мария Кюри. Парты и стулья были убраны в угол. На пустом полу на стуле сидела Ольга Леонидовна с аккордеоном в руках. Класс физики, в котором чаще всего проводились занятия по музыке и некоторым другим предметам зимой, потому что он был самым теплым в школе. Ольга Леонидовна преподавала у них музыку до пятого класса, пела очень высоким голосом и учила разным патриотическим песням. Рядом с Леной хоровой шеренгой стояли мама, папа, сестра, Волгин, молодой взрослый сосед, которого они встретили сегодня с Галей у дома, Галины друзья, Саша, Ленины одноклассники, и где-то с краю топтался владелец сувенирного магазина. «Иииии, начали», — сказала Ольга Леонидовна, скрипнула аккордеоном и принялась играть. Все запели, в том числе и Лена (горло совсем не болело):

Хор (все):

О Байкал, о Байкал,
лайк, лайк, лайк, лайк,
ты бокал с живой водой,
ты наша отдушина,
лайк, лайк, лайк, лайк,
твои нерпы — это родины нервы,
твои склоны — локоны Сибири,
лайк, лайк, лайк, лайк.

Солистка (Галя):

Великая Нерпа подключилась ко всем нашим гаджетам,
и хочет залить Байкал в наши сети
историю Лэтылкэк,
молодой самки, которая кормила своего кумуткана,
потом поплыла с ним за рыбой,
а когда вернулась домой, то попала в подлую сеть
незаконного ламуана.

У-у! У-у!

кумуткану удалось не попасться
в сетью пасть,
пыталась Лэтылкэк
порвать сеть когтями,
порвать сеть зубами,
не рвалась подлая сеть,
плакала Лэтылкэк,
плакал ее кумуткан,
плавал вокруг!

У-у! У-у!

А потом приплыли
сестры Лэтылкэк,
рвали-рвали подлую сеть когтями,
кусали ее зубами
подлая сеть не поддавалась!
У-у! У-у!

и забрали сестры Лэтылкэк
ее кумуткана,
плакала Лэтылкэк,
плакал ее кумуткан,
плакали сестры Лэтылкэк!
У-у! У-у!

Хор:

о Великая Нерпа, услышь нас!
Уууууууууу!
Уууууууууу!

Тут включился круглый, серый, похожий на нерпу из серого пластика бумбокс, который стоял на тумбе под Ньютоном. Из бумбокса поплыли инопланетные, ноюще-свистящие звуки, похожие иногда на поиск радиоволны в далеком от цивилизации месте.

На инопланетные звуки из бумбокса накладывалось пение.

Хор (все):

О Байкал, о Байкал,
лайк, лайк, лайк, лайк,
ты нам Швейцария,
ты нам настоящий царь,
лайк, лайк, лайк, лайк,
твои снега — это наш чистый лист,
твои берега — ворота нашей свободы,
лайк, лайк, лайк, лайк.

Солист (Галин одноклассник):

Плачет Лэтылкэк.
задыхается Лэтылкэк.
А прошлым апрелем
ее брата-близнеца убили
выстрелом в голову,
из его тела выкачали
жир и наполнили им банку,
с его тела содрали шкуру,
и теперь брата-близнеца Лэтылтэк
носит на голове женщина с рыжими волосами.
А с Лэтылтэк, когда достанут ее тело,
тоже снимут шкуру,
прибавят ее к другим шкурам
и сделают шубу, наверное,
для той же женщины,
или какой-нибудь другой.
У-у-у.

Другой солист (владелец сувенирного магазина):

вы, гладкие мешки жира,
вы, любопытные недорыбы,
расплодились тут,
едите нашу рыбу,
дышите нашим чистым воздухом,
выжимаете жалость всяких нежелательных организаций,
иностранных агентов,
заходишь на рынок в Листвянке — там вы,

заходишь в ресторан — там ваше у-у!
заходишь в позную — там у-у!
заходишь в маршрутку — там у-у!
заходишь в сувенирный магазин — там у-у!
заходишь в Байкал — там у-у!
проверяешь свою сеть — там у-у!
уууууууух!
мы найдем на вас управу!
мы откроем для вас колбасные заводы
и меховые цеха!
ууууууууух!
девять ваших жизней —
одно наше рабочее место!

Хор:

О Великая Нерпа, услышь, что
они говорят!
Услышь нас!
Уууууууу...

Инопланетные ноюще-трескучие звуки заглушили пение и остались единственным звуком. Вода ворвалась в класс и смыла портреты ученых, Ольгу Леонидовну с аккордеоном, весь хор и кабинет физики. Лена зависла в водном массиве, погруженная в ноюще-трескучий звук. Не было холодно и больше совсем ничего не болело. Лена сделала глубокий вздох и осознала, что может дышать под водой. Впереди в мутной взвеси проступали контуры большой, круглой подводной горы, которая приближалась. По мере ее приближения нарастал звук. У горы оказались усы, как деревья, голова с трехэтажный дом, ушные дыры, как ямы, глаза с вокзальные часы, плавники-паруса и продолжающийся далеко-далеко горный хребет тела. Звук сделался совсем громким, но переносимым. Лена смотрела на Великую Нерпу, Великая Нерпа смотрела на Лену, моргала, издавая ноющие, иногда трескучие звуки, похожие на поиски нужной радиостанции, общего языка.

6

Лена выдохнула водой. Над ней нависал Волгин, матерился и просто кричал, давил ладонями в ее грудную клетку. Перевернул Лену лицом вниз, и она закашлялась. Волгин заплакал. Ленино тело сразу принялся грызть страшный холод. Она застучала зубами. Но ничто не болело — ни горло, ни уши, ни голова. Волгин тоже затрясся. Он отпил водки, предназначенной для Хозяина Байкала. Та успела нагреться на выкатившемся обратно солнце. Волгин нашел в моторке непромокаемый мешок с отцовской одежной запаской и протянул Лене свитер и штаны, но она сворачивалась ледяным эмбрионом и билась от холода об лодку. Тогда Волгин принялся раздевать ее руками-шатунами, Лена постепенно распрямилась и вытянулась. Волгин стащил окаменевшие от воды ботинки, носки, брюки, куртку, свитер и футболку. Лена внимательно наблюдала за ним со дна лодки. На бельевом слое Волгин на две секунды застопорился, но потом быстро стянул оставшиеся мокрые белые тряпки и напялил на Лену отцовские толстовку и штаны, и накрыл ее своей курткой, которую снял перед прыжком. Переоделся сам в сухую матроску и кальсоны. Лена заныла, зауууууула. Потянула к Волгину руки. Он сказал, что сейчас они уже поедут. Лена обняла Волгина и потянула его к себе под куртку. Он решил, что ничего, что они полежат, чуть прогреются. Лена принялась тыкаться носом ему в шею. Волгин попросил ее отстать, и даже чуть отпихнул, она положила его холодную руку себе на холодную грудь под свитер его отца.

Млекопитающие Байкала обнимаются и кричат. Обнимаются и кричат. Байкал кормит их, поит, насыщает их воздухом и солнцем, они обнимаются и кричат. Лежат

на льдинах, на суше, под водой, под землей, обнимаются и кричат. Байкал показывает млекопитающим птиц, рыб, камни, редкие камни, цветы, редкие цветы, туристов; они обнимаются и кричат. Они растят потомство, охотятся, спят, поют, болеют, обнимаются и кричат. А потом отправляются к отдушине.

Волгин отвел Лену к Саше и ушел в свой кружевной, летающий дом. Отец еще не проснулся. В комнатах кружили пары водки. Волгина с Леной и моторной лодкой не было всего два с половиной часа. Он переоделся, высушил волосы феном, выпил горячего чая. Он хотел поначалу развесить всю одежду в сарае, в том числе промокшую от их с Леной тел родительскую запарку, чтобы не увидел отец, но потом передумал и развесил все во дворе, под солнцем, которого еще немного осталось на сегодня. Отец проснулся, помочился в ведро в комнате, увидел в окне на веревках свою переодежду и сыновью одежду и выматерился. Волгин вспомнил, как спросил мать, еще в классе четвергом, почему она вышла замуж за отца. Та призналась, что отец был самым необычным и странным человеком из всех, кого она знала. Говорил не как все, поступал не как все, рассказывал какие-то невероятные истории, выделял руками красоту из дерева. Отец подошел к Волгину и пихнул его, не сильно, спросонья, и спросил на своем обычном языке, где тот был? Волгин спросил, где отец бывал, когда по полгода не возвращался домой. Старший Волгин затрясся, будто его тоже недавно достали из холодной байкальской воды, и замахнулся на сына. Тот опередил и ударил отца деревянным стулом. Потом еще раз. Отец чуть полежал, потом поднялся и ушел снова на кровать. Сын прошел за ним и объяснил, что так будет всегда, когда тот поднимет руку на мать или на него самого. Отец лежал так три дня, молча уворачиваясь от женой руки, которая пыталась шупать ему лоб и мерить температуру. А потом он забрал лодку и больше никогда не возвращался, за что мать Волгину еще долго выговаривала.

На Ленины звонки и сообщения Волгин не отзывался, в школе он держался с ней так, как до того, как влюбился в нее, то есть не ходил за ней больше взглядом, разговорами и подарками, не обращал внимания вовсе. Лена нервничала, ей казалось, что она добыла себе пару для дальнейшей интересной и сложной жизни, такого же странного человека, как она сама. Потом она смирилась и с потерянным Волгиным, и с тем, что такого человека-пары для нее совсем не существует. Через несколько дней после лодочной прогулки Лена отправилась с сестрой на берег. Галя поначалу с Леной не говорила, продолжала дуться, но быстро почувствовала, что в сестре поселилась недавно сильная и сложная история. Сестры пришли на пирс. Лена села на деревянный настил и спустила ноги в зеленых резиновых сапогах в воду. Ничего не произошло. Байкальская вода тихонько обнимала Ленины подошвы, толкалась тающим льдом в мысы ее сапог. Лена нагнулась, попробовала рукой холодную воду и вздрогнула от напоминания. Ничего не произошло. Лена попросила Галю тоже сесть и опустить ноги в сапогах. Галя изобразила раздражение, состроила рожицу, но уселась рядом с сестрой и окунула ноги в красных резиновых сапогах в воду. Ничего не произошло. Галя посмотрела на Байкал. Он ширился своей серой водой со льдом. За ними с сестрой не наблюдали гладкие головы. Галя поняла, что они прощены.

Это была неправда. Великая Нерпа не простила их до конца и размышляла теперь, как завершить свою месть. Она оценила Ленино старание в тот день, когда та освободила тюлениху и ее кумуткана, но жизнь еще одной молодой самки дочь рыбака упустила. Великая Нерпа злилась оттого, сколько таких нерп и их детенышей умирает, задыхаясь в сетях и корчась от головных пуль по всему Байкалу. Она понимала, что злится не на дочь рыбака, а на всех людей, но никак не могла себя унять. Хозяин Байкала уже выполнил просьбу Великой Нерпы, и к нему она не собиралась обращаться. Ей нужен был кто-то влиятельный не только на озере. Если бы Великая Нерпа лучше различала людей и знала, что Лена поняла и почувствовала все, что она

услышала в ее логове, то наверняка бы передумала. Но она не умела предсказывать будущее или видеть людей прозрачно, как наблюдал их Хозяин Байкала. Она заговорила с Хозяином природы, который отвечал и за животных, и за людей. Она умолила его выполнить ее просьбу. Рассказала историю невозвращенного кумуткана, призналась в недоведенной мести. Объяснила, чего она хочет и почему это — достойное наказание. Хозяин природы подумал, согласился и постановил, что каждый раз, когда дочери рыбака, и старшая, и младшая будут зачинать, на четвертую неделю их плод рассосется, как это происходит у нерп при слишком раннем таянии льда на озере. Через месяц посреди ночи в Ленином животе, пока она спала, бесследно исчез их бывше-будущий с Волгиным ребенок. Если бы она узнала о нем, то очень бы удивилась.

7

Десять лет спустя Волгин ехал на своем минивэне вдоль берега. Солнце полировало байкальский лед, набережную, покатый капот, дорогу. Мимо плыли гостиничный квартал, четыре припаркованных туристических автобуса, две китайские и одна русская группы туристов, улица со школой, где Волгин учился, рынок, супермаркет. Все замаринованное солнцем. Волгин не закрывал глаза темными очками, он любил яркие лучи и привык к ним. Сегодня он установил две солнечные панели в своем родном селе. С тех пор как китайские солнечные батареи сильно подешевели и стали доступны, у Волгина и его напарника не заканчивалась работа. Половина крыш в городе и окрестностях носила волгинские гладкие, темно-серые, похожие на сушащуюся тюленью шкуру, батареи. Волгин свернул налево и поехал в гору по вьющейся улице вдоль несельского частного сектора. Остановился у двухэтажного дома светлого кирпича без каких-либо украшений. Выключил двигатель и включил радио. Волгин не слушал музыку, когда водил машину. Заиграла песня про млекопитающих, которые обнимаются и кричат, обнимаются и кричат. Волгин решил, что она дурацкая, и принялся перебирать волны. Лился инопланетный, ноюще-трескучий звук. Наконец нашлись новости. Диктор рассказывал, что сегодня Иркутский областной суд приговорил к семи годам колонии строгого режима известную экотеррористку Елену Никитину. Мягкий мужской голос напомнил, что Елена Никитина стала известна как экоактивистка семь лет назад своими многодневными акциями в Иркутске, Москве и Улан-Удэ в защиту байкальской природы, в частности, байкальской нерпы. Пять лет назад Никитина подозревалась в нападении и разгроме офисов четырех туристических агентств, по некоторым сведениям предлагающих развлекательную охоту на нерп. Но следствие тогда не нашло достаточных доказательств причастности Никитиной. После отмены моратория на промышленную добычу байкальской нерпы три года назад Никитина утопила девять рыболовных катеров, занимающихся добычей нерпы, о чем свидетельствуют показания многочисленных свидетелей и записи видеоборудования. По словам правоохранительных органов, экотеррористка действовала всегда одна. Общий ущерб от действий Никитиной оценивается в двадцать миллионов рублей. Следствие также сообщает, что Никитина планировала устроить диверсию на колбасном заводе, где перерабатывается мясо добываемой нерпы. Сторонники эко-террористки устроили пикет у здания... Волгин выключил радио и засел в тишине. Он всегда помнил, что на небольшой льдине, управляемой лодочным веслом, он добрался от берега к ледяной поляне с ловушками за четыре минуты. Лена провалилась под воду, когда он еще и не начал плыть. Бегал как дурак, не мог придумать, что делать. Ни одно человеческое существо не проживет столько под водой. Волгин очнулся от стука. На него через раму окна, захваченные в солнечную сеть, смотрели жена и дочь. Волгин улыбнулся, открыл машину. Жена сказала, ну ты даешь, кричим, кричим тебе, машем. Села рядом с ним в машину, они поцеловались и поехали к ее родителям на ужин.